

Моей Бабушке

*Чрезмерный пессимизм так же противен,
как и чрезмерный оптимизм. Два дурака,
только разного цвета — черный и розо-
вый.*

Анатолий Мариенгоф

Он придет домой и снимет пиджак,
Подойдет к окну и будет смотреть
На провода и на окна «Пельменной».

А когда он докурит, он встанет на стул
И накинёт веревку на крюк в потолке.
И проверит руками надежность петли,
А потом он взлетит.

Я пою тебе песню любви, Москва!
Город, который не чувствует боли и не щадит никого.
Я люблю тебя, Москва, я твой пьяный ребенок,
Но я тобою рожден,
И я с тобою помру.

Гарик Сукачев. Вальс «Москва»

ЗВЕЗДЫ

В липком мареве ночного города, на крыше девятиэтажного дома в районе Павелецкой сидели два товарища. Хотя товарищами их назвать можно было только по несчастью. Скорее собутыльники. А по табелю о рангах московской социальной лестницы — бомжи.

Одному из них на вид было около пятидесяти. Это был довольно высокий мужик, обладатель копны темно-русых волос, глубоко посаженных зеленых глаз, перебитого в двух местах носа и вечно полуоткрытого рта, — что в сочетании с уважительным «Михаыч» делало его лицо пусть и недалеким, но добродушным. Последние полчаса он молча сидел, подогнув под себя ноги, и несколько напряженно вглядывался в темное небо.

Его приятель, сутулый маленький человечек, откликавшийся на «Игорек», с редкими пучками сизых волос, прокопченным лицом, покрытым сеткой морщин, и с озорными ребячьими глазами, вертел по сторонам головой, то расстегивая, то застегивая молнию на вылинявшем синем спортивном костюме. Будто пытаясь понять — жарко ему или холодно.

Почему его звали «Игорек», никто не знал, ведь в давно потерянном паспорте значилось совсем другое — Феклистов Леонид Игоревич, 1948 года рождения. Вероятнее всего, эти данные он и сам давно забыл.

Изредка он заглядывал в лицо медитирующего Михалыча и, не находя в нем признаков жизни, прикладывался к мутной пластиковой бутылке с прозрачной жидкостью.

Зыркнув на Михалыча в очередной раз, Игорек допил остатки, швырнул бутылку вниз, проследил за ее полетом, достал сигарету и крикнул:

— Михалыч! — и подкрепил обращение хлопком по плечу. — Э, Михалыч, слышь?!

— Чего ты орешь-то? — нехотя отозвался Михалыч.

— А чё ты залип? Сидишь, уставился в одну точку. Я думал, ты...

— Что?

— Ну, не знаю что... умер, например.

— Лучше бы умер! — сплюнул прямо перед собой Михалыч. — Я на звезды смотрю... падающие.

— Нафига?

— Две звезды уже упало. Красиво. Дай сигарету, а?

— У меня две штуки осталось.

— Давай одну на двоих?

— Ну на! — Игорек нехотя достал из кармана мятую сигарету.

— Я говорю, — затынулся Михалыч, — звезды эти, которые упали. Красивые.

— Ну.

— Вообще-то все звезды падающие красивые.

— Ну.

— Чего ты заладил, «ну, ну», я тебе лошадь, что ли?

— А чего ты ко мне пристал со своими звездами?

Я тебе чё, планетарий?

— Гы-гы-гы... пролетарий ты, а не планетарий.

— Какой же я пролетарий, дурак ты стоеросовый, гы-гы-гы! Пролетарии работают, а я на вокзале побираюсь.

— Ну, был пролетарием, наверное.

— Был, — потрянул остатками волос Игорек.

— Помню, в детстве мать нас с братом на лето к бабке в деревню отправляла. Мы как завалимся в сено вечером. Тепло, трещат эти... как их? Светлячки, кажись. Лежим, в небо пялимся, падающие звезды считаем. Хлеб черный жуем. Лучок там, помидорчики...

— ...Водочку, — услужливо подсказал Игорек.

— Какую еще водочку? — огрызнулся Михалыч, — я ж тебе говорю, в детстве!

— А... я не понял, — развел руками Игорек. — Говорят, на третью падающую звезду можно желание загадывать. У меня, правда, никогда не сбывалось.

— Ты, небось, только водку и загадывал, — осклабился Михалыч.

— Почему сразу водку? Велосипед там... или чтобы с девчонкой познакомиться... или...

— Вот я и жду. Пока чего-то не упала.

— И чего ты загадаешь? Все равно ведь не сбудется.

— Может, в этот раз сбудется. Ну, пожрать нормально на этой неделе. Чтобы Вартан со стройки опять взял цемент разгружать. И еще, — Михалыч

утер нос рукавом, — чтобы ментам не попадаться, и этим, козлам... бичам вокзальным.

— Хе-хе, ну это уже три желанья, а надо одно. Звезда, она ж не золотая рыбка, ебеньть!

— Тогда денег попрошу. Много! — Михалыч развел было руками, пытаясь показать объем наличных, но застыл. — Так, чтобы просто на улице найти и чтобы ничего за это не было.

— Ого! И сколько много? — Игорек настороженно замер, будто эти деньги уже лежали в кармане Михалыча. Или там, внизу. У подъезда.

— Тыщ пятьсот! Или нет! Миллион!

— Рублей? — закашлялся от смеха Игорек. — Или, может, евро?

— Рублей, конечно, — опасливо посмотрел на него Михалыч. — Какой же мудака теперь миллион евро на улице бросает?

— Так и мудаков, которые миллионами рублей разбрасываются, я не видал.

— Ну, может олигарх какой потеряет... или баба его...

— Чудной ты, Михалыч. Сколько тебя знаю, а все не могу понять.

— Сам ты черт чудной. Я желание загадаю, а оно сбудется. Вот и посмотрим тогда, кто чудной.

— Ну, хер с тобой, — хлопнул Игорек ладонью по коленке. — Вот найдешь ты миллион рублей, и что ты делать с ним будешь? Или менты отнимут, или эти... с вокзала. Или просто пропьешь. Хотя это сколько же водки можно купить? — Он в задумчивости почесал затылок. — Если дорогой, по сто рублей... сто бутылок... нет, больше...

— Ничего я не пропью. Я первым делом все положу в ячейку на вокзале. Потом пойду в магазин. Куплю себе костюм, чтобы менты не останавливали.

— Ну.

— Потом в баню пойду, попарюсь хорошенько. Потом в парикмахерскую.

— Ну.

— Потом вернусь на вокзал, посмотрю расписание поездов... так... вот...

— Ну.

— Баранки гну! Потом возьму билет в самую дальнюю деревню и уеду. Начну там новую жизнь. Куплю избу, корову, картошки посажу. Может, бабу заведу. А чего?

— А миллиона-то хватит?

— Еще как, — Михалыч резанул ладонью по горлу, — во как хватит! Даже еще и останется. Я объявления в газете читал. «Продается дом, в хорошем состоянии», в такой-то... не помню, области. «Цена пятьсот тысяч рублей». А в дальней деревне еще дешевле.

— Ну, ты, Михалыч, даешь! В самой дальней деревне поезда-то и не останавливаются!

— А я найду ту, где останавливаются!

— А если и найдешь, то дом ни хера не купишь! — не унимался Игорек.

— Куплю! — настаивал Михалыч.

— Какой дом? Какая корова? Ты даже если уедешь, пропьешь там все бабки и через полгода опять сюда вернешься!

— Не вернусь!

— Да я такие базары здесь раз в год слышу! Никто чой-то не уходил, а те, кто уходил, опять сюда приползали.

— А я уйду! И не вернусь! — Михалыч в запальчивости саданул рукой о металл ограждения и теперь нервно тряс кистью, чтобы заглушить боль.

Повисла пауза. Игорек посмотрел на Михалыча. Что-то во всем этом было неправильно для него, Игорька. Что-то такое, что заставляет смотреть на собутыльника особенно злобно. И дело не в том, что найденный миллион следовало, по его понятиям, если не тупо разделить с братвой, то хотя бы угостить своего лучшего кореша. То бишь его, Игорька. Можно купить пару бутылок водки или дать немножко денег бомжевавшим неподалеку молдаванкам, которые бы мигом скрасили ночное одиночество наших героев. Или... да мало ли чего можно сделать с такими-то бабками? В конце концов, Игорек мужик с понятиями, и мог бы принять позицию Михалыча, если бы тот вздумал бабки утаить или пропить в одну харю. Скорее всего, Игорек так бы сам и поступил. Если бы нашел деньги.

Но все эти дома, коровы, бабы и новые жизни в голове Игорька совсем не укладывались. Они ломали привычную схему, напоминали о мире, где его больше нет и куда он больше никогда не вернется. И куда, по определению, не могли вернуться ни Борян, ни Толя, ни даже Абрек с его удивительным талантом воровать в магазинах. Своими словами Михалыч взял и вот так вот, запросто, украл у Игорька целый мир. С крышами, подъездами, теплыми вагонами в депо, ментами, случайными подругами, стан-

циями метро, рынками, ночными палатками и таксистами. Он, падла, поставил под сомнение ценность всего этого. Предпочел миру Игорька какой-то другой мир, о котором все и думать забыли. Мир, который ничего, кроме злобных воспоминаний, теперь не вызывал. И на тебе — корову он, сука, купит.

— Ага, жди, уйдешь ты! — засипел Игорек. — Новую жизнь он начнет! Ты на себя-то посмотри, Михалыч. Запах как от козла, а все туда же... новую жизнь он начнет... не смейся людей!

Сказал и выжидающе посмотрел на Михалыча, будто ударил наотмашь. По дому, корове, и даже по бабе, которой никто из них в глаза не видел. Уничтожил всех одним махом. Вернул Михалыча из поезда дальнего следования обратно на крышу. И злоба прошла, сама. Вроде как Михалыч уже съездил и вернулся обратно. А Игорек, он чего? Он мужик с понятиями. Хотя, конечно, он Михалычу говорил, что все обратно приползали, но теперь-то старое поминать не будет.

— Да пошел ты! Где ты тут людей-то видел? Ты, что ли, человек? — Михалыч резко встал и угрожающе занес над ним кулак.

— Э, в натуре, ты чего? — отстранился Игорек

— Я уеду, понял?! Урод! Я тут с вами ни за что не останусь! И дом куплю! И корову!

— Михалыч, Михалыч, — испуганно запричитал Игорек, тихонько отползая. — Все ровно, чего ты, в натуре?

— А ничего, в натуре! Ты зачем в мое желание грязными лапами лезешь, а? Оно чего, твое, что ли?

— Я понял, понял, Михалыч! — пятился назад Игорек.

— Вали давай отсюда, пока я тебя с крыши не скинул! — продолжал орать Михалыч.

— Ухожу я, ухожу, — тихо сипел Игорек.

— Вот и вали! А я новую жизнь начну!

— Точно! — Он сделал еще несколько шагов назад. — Раз задумал, значит, начнешь. Ты у нас такой!

Оказавшись на некотором расстоянии от Михалыча, Игорек втянул голову в плечи и бочком-бочком стал протискиваться к выходу. Залезая в черную дыру лестничного лаза, он еще раз глянул на стоявшего у ограждения Михалыча и исчез.

— Начнешь, начнешь. В дурке! — прошипел Игорек уже в подъезде.

Михалыч стоял на крыше еще полчаса. Когда упала третья звезда, он присел, отыскал бычок, чиркнул спичками, сделал глубокую затяжку и прохрипел, выпуская в небо плотную струю дыма:

— Звездочка, дай миллион, а? Я уеду, обещаю. Обязательно, зуб даю. Не могу я здесь больше, достало, сил нет. Задушит меня этот город. Задушит до смерти, сука такая! Ты только дай миллион, ладно? А я сразу. Прямо на следующий день. Или в этот же вечер. Только костюм куплю и в баню схожу...

Бычок обжег пальцы, и Михалыч щелчком его откинул. Тот нехотя описал дугу на фоне огней ночной Москвы и исчез за кромкой крыши.

МОДЕРНИЗАТОР

Философия московская очень простая: работать по-капиталистически, распределять по-социалистически, в условиях полной демократии.

Ю. М. Лужков

Алексей Иванович Друян сидел перед огромным компьютерным монитором, пытаясь разобраться в настройках личных страниц и функционале твиттера и фейсбука.

Первый час он методично заполнял анкету, сверяясь с инструкцией, набранной восемнадцатым шрифтом заботливыми руками секретарши Тани. Второй — пытался загрузить фотографию на личные страницы. Сначала долго выбирал между тщательно отфотошопленным собой в добротном костюме, белой рубашке и галстуке с узлом величиной с голову новорожденного и самим собой же, отфотошопленным чуть менее. В свитере, в улыбке и с торчащим между вырезом свитера и улыбкой накрахмаленным воротником небесно-голубой рубашки.

В результате принял поистине Соломоново решение: одна — для фейсбука, другая — для твиттера. Но вселенская катастрофа заключалась в том, что ни первая, ни вторая фотография отчаянно не желали загружаться.

Не то чтобы в свои пятьдесят четыре Алексей Иванович внезапно воспылал любовью к социальным сетям. Конечно, друзья рассказывали о том, какие интересные вещи таит в себе интернет, — тут тебе и новости, и знакомства с романтическим продолжением, и тонны компромата, и встречи бывших одноклассников. Но все это Друяну было до фонаря. Свежераспечатанные новости каждое утро приносила Татьяна, любовниц было две, причем самых что ни на есть реальных, а не виртуальных, с бывшими одноклассниками он не хотел встретиться даже в соседних могилах, а компромат у него был свой. Не то чтобы тонны, но по чуть-чуть — и на всех.

Размеренная жизнь Друяна никакого соприкосновения с интернетом решительно не переносила. Как всякая новизна (а Алексей Иванович был консерватор, даже, можно сказать, ретроград) интернет был ему чужд, неинтересен, и скорее всего — враждебен. «Так бы жизнь бы шла и шла» — как пелось в песне любимого Друяном Миши Шуфутинского, но все испортил Президент Медведев.

Какие консультанты нашептали Дмитрию Анатолийчу о необходимости президентского присутствия в интернете, Алексей Иванович не знал. По слухам, сатанинское отродье, напустившее на президента эту напасть, угнездилось в Америке, и ноги, а точнее,